

Речь, произнесенная Председателем Государственного совета Республики Куба Фиделем Кастро Русом 5 июля 2000 года – “Года 40-й годовщины лозунга “Родина или смерть” - в театре “Карл Маркс” на церемонии награждения Хуана Мигеля Гонсалеса орденом “Карлос Мануэль де Сеспедес”
[1]

Fecha:

05/07/2000

Речь, произнесенная Председателем Государственного совета Республики Куба Фиделем Кастро Русом 5 июля 2000 года – “Года 40-й годовщины лозунга “Родина или смерть” - в театре “Карл Маркс” на церемонии награждения Хуана Мигеля Гонсалеса орденом “Карлос Мануэль де Сеспедес”

Дорогие соотечественники!

Я познакомился с Хуаном Мигелем 2 декабря прошлого года в 5 часов дня. По воле случая то был день, когда отмечалась еще одна годовщина высадки с яхты “Гранма” - события, происшедшего 43 года назад.

Пятью днями ранее было получено его письмо от 27 ноября, где он просил Министерство иностранных дел Кубы ходатайствовать перед властями Соединенных Штатов о возвращении его сына Элиана, который уцелел после крушения примитивного судна, нелегально покинувшего Кубу. На следующий день с такой же просьбой обратилась в другом письме бабушка ребенка с материнской стороны. Не теряя ни минуты, они направили свое ходатайство, а наше Министерство немедленно дало ему ход.

Я не мог заняться этим вопросом вплоть до указанного дня. Попросил отца приехать в Гавану. Я заранее знал, что ни разу за более чем 41 год правительство Соединенных Штатов не согласилось выполнить подобное требование юридического характера. Этот случай, как дело рыбаков и другие, должно было решаться в моральном сражении силами общественного мнения при участии народа.

Но на каких основаниях? Кто этот отец и какой он отец? Насколько он заботился о сыне? Какими были его отношения с дедушками и бабушками ребенка с отцовской и материнской стороны? Хотя я уже знал, что речь шла о скромном молодом работнике, серьезном и исполнительном, с ранних лет бывшем членом революционных организаций, было кардинально познакомиться с этими и другими сторонами его поведения и его характера.

В разговоре с ним я затронул эти темы осторожно и уважительно, но в то же время с полной ясностью и откровенностью. Я говорил с членом нашей Партии.

Я задал ему многочисленные вопросы, на которые он, явно испытывая душевную боль и печаль, отвечал убедительными доводами и приводил несомненные доказательства его постоянных,

безупречных и полных любви отношений с ребенком.

Во время всего разговора я не переставал видеть в нем человека благородного, искреннего и серьезного.

Я выразил ему свое убеждение в том, что они никогда не вернут ребенка путем юридических процедур. Речь шла о деле, абсолютно не подпадавшем под юрисдикцию судов Соединенных Штатов, и лишь иммиграционным властям Соединенных Штатов надлежало приступить к немедленному возвращению его сына; но я знал достаточно хорошо, как высокомерно, произвольно, пристрастно, выступая пособниками наших врагов, вели себя власти Соединенных Штатов во всех вопросах, связанных с нарушениями и преступлениями, совершавшимися против нашего народа. Возвращения этого ребенка можно было добиться только путем упорной политической битвы силами национальной и международной общественности. Я предупредил Хуана Мигеля, что это будет вопрос не дней и не недель, а месяцев. Вероятно, чтобы не слишком обескураживать его, я сказал, что это продлится никак не менее трех месяцев. Я также сказал ему, что страна может начать подобную битву только на абсолютно прочных юридических и этических основах.

После трехчасового разговора у меня уже не было ни малейших сомнений в том, что Хуан Мигель – серьезный и честный молодой человек, оказавшийся жертвой чудовищной несправедливости. Он понял приведенные мною аргументы и согласился с ними.

Прошла почти неделя с того момента, как Министерство иностранных дел Кубы представило ноту, в которой сообщало властям Соединенных Штатов о просьбе отца, требующего возвращения сына, и не было получено ни малейшего ответа о том, что они собираются делать с незаконно задерживаемым ребенком. Все получаемые нами сведения поступали из американской прессы. Кубино-американская мафия и самые реакционные политики Соединенных Штатов, полные эйфории, устроили настоящую пропагандистскую оргию по случаю трагедии, в ходе которой погибло 11 кубинских граждан и к берегу этой страны прибыл ребенок, еще не достигший шести лет. Еще один плод 41 года враждебности и актов агрессии в отношении Кубы со стороны правительств Соединенных Штатов!

Было бесполезно и далее посылать дипломатические ноты властям глухого правительства, которое не отвечало хотя бы из вежливости.

На следующий день я обменялся мнениями с товарищами из нашего руководства и не теряя ни минуты связался с руководителями Союза молодых коммунистов и Федерации университетских студентов. Молодежь и студенты станут авангардом этой борьбы при полной поддержке всех революционных сил.

Спустя сорок восемь часов, вечером в воскресенье, прошел первый митинг протеста перед Отделом, представляющим интересы Соединенных Штатов, в котором участвовала тысяча юношей и девушек из бригад молодых новаторов, закончивших свою национальную конференцию; в действительности, они на 24 часа выступили ранее срока, предусмотренного для начала общественных акций.

Так началась эпическая борьба за освобождение Элиана – сегодня, 5 июля, исполняется ровно 7 месяцев с этого дня.

В субботу 4 декабря мы объявили во всеуслышание, что если через 72 часа ребенок не будет возвращен, начнется грандиозная битва силами национального и мирового общественного мнения. Некоторые средства информации приняли эти слова за ультиматум Соединенным Штатам. Однако то было не более чем искреннее предупреждение о том, что неизбежно должно было произойти.

Только после третьего дня народного протеста, который стремительно нарастал, был получен первый ответ. Днем ранее пресс-секретарь Белого дома заявил, что вопрос находится в ведении Службы иммиграции и натурализации, что официальной позиции по нему не существует и что в конце концов дело может быть передано в суд.

В последующие недели произошел обмен множеством нот. Документы показывают, что наше правительство предупреждало и повторяло свою точку зрения на последствия ошибочного и незаконного решения американского правительства разбирать это дело в своем суде, хотя оно не подлежало его юрисдикции.

То, что должно и могло быть решено за несколько дней, в действительности попало в бесконечный лабиринт процедур, рассмотрений и ловко состряпанных обжалований, в то время как кубинский ребенок месяцами терпел психологическую пытку и был объектом самой жестокой эксплуатации с рекламными и политическими целями. В течение месяцев его психическое здоровье и даже жизнь находились под реальной угрозой. Остается поражаться, что он смог пережить такие же огромные опасности, как при первом кораблекрушении, - на этот раз в грязном болоте аморальности, истерии, отвратительного политиканства и низких интересов кубино-американской мафии и их союзников из крайне правых кругов. Не случай, а вызывающая восхищение борьба нашего народа уберегла его от смерти или от страшной участи.

Сегодня мы отдаем должное тому, кто так образцово выполнил свой долг отца и патриота. Весь народ поставил все на карту и был готов сделать все, что потребуется, ради его сына. Но на последнем этапе успех или провал наших колоссальных стараний зависел от него.

Самым правильным со стороны Революции было полностью поверить в Хуана Мигеля. Самой большой ошибкой мафии и империи было думать, что Хуана Мигеля можно подкупить и подтолкнуть на измену.

Хотя позиции правительства Соединенных Штатов и мафии, поддерживаемой крайне правыми, в судах были разными, что привело к тяжбе между обеими сторонами, есть тяжкий нравственный грех, от которого не свободна ни одна из сторон: они верили в то, что Хуана Мигеля можно купить, и даже открыто призывали его дезертировать и остаться в Соединенных Штатах. В этом отношении ни та, ни другая сторона в империи не переставала надеяться, что Элиан останется в Соединенных Штатах со своим отцом. Отсюда тактика затягивания процесса, систематически применяемая адвокатами мафии, в то время как кандидаты в президенты от обеих партий и сама супруга президента публично призывали Хуана Мигеля дезертировать.

Высокие чиновники администрации и даже генеральный прокурор утверждали, что они борются не за возвращение Элиана на Кубу, а за воссоединение ребенка с отцом. Они мечтали о том, что подобным способом решат уже проигранную ими битву. Только когда все убедились, что честь и твердость Хуана Мигеля непоколебимы и что всего золота мира не хватило бы, чтобы хоть на секунду поколебать его верность родине, они смирились с его возвращением вместе с ребенком.

Когда Хуан Мигель, которого столько раз обвиняли в трусости и цинично бросали ему в лицо обвинения, что он не интересуется своим сыном, поскольку не приехал в Соединенные Штаты, где ему приготовили столько ловушек, в тот самый час и минуту, когда он должен был явиться в это враждебное и опасное место, отправился с характерной для него решимостью и отвагой в сердце империи, взяв с собой жену и шестимесячного сына, битва вступила в решающую фазу. Его благородное лицо, его решимость, его прямые, искренние и чистые слова и неоспоримое доказательство его свободы, поскольку он повез с собой жену и младшего сына, довершили дело, начатое месяцами ранее бабушками Элиана Мариэлой и Ракелью; он полностью завоевал поддержку большинства американского народа, который, теперь гораздо более информированный относительно истинного положения вещей за пять месяцев напряженной битвы, которую вели кубинские мужчины и женщины, молодежь и дети, встал на его сторону.

Этому способствовали – мы должны это признать со всей справедливостью – сами каналы американского телевидения и главные органы печати, которые передавали на Соединенные Штаты и публиковали изображения и сообщения о том, что происходило на Кубе.

Во время пребывания Хуана Мигеля в Соединенных Штатах, в критические минуты, его решение отправиться одному в само логово майамской мафии в сопровождении жены Нерси и маленького Янни привело к тому, что СИН послала людей, которые смело и ловко вырвали ребенка из преступных рук, удерживавших его, перевезли в Вашингтон и почти немедленно отправили вместе с семьей в изгнание в Уай-Плантейшн. Там началось долгое ожидание заключительного этапа.

Немедленно Агеда – его самоотверженная учительница подготовительного класса – при поддержке его четырех соучеников по первому классу вместе с 10-летним двоюродным братом, не теряя ни минуты, возобновила уроки Элиана, прерванные пятью месяцами ранее. Когда этот школьный год закончится через полторы недели, то будет день чести и славы для кубинского образования, и подвиг нашего народа будет увековечен.

Чтобы спасти жизнь Элиана, Хуан Мигель был готов пожертвовать собственной жизнью и поставить под угрозу жизнь своей жены и второго сына. Но ему и в голову не приходило купить воссоединение с ребенком, которого он так любил, ценой предательства родины. Его поведение покрыло его славой и навсегда завоевало восхищение его народа.

Поэтому мы награждаем его орденом, носящим имя Карлоса Мануэля де Сеспедеса, который героически, поставленный перед выбором спасти своего сына или предать свой народ, предпочел без колебаний пожертвовать жизнью сына и завоевал почетное звание Отца Родины (Аплодисменты).

На протяжении своей жизни революционера я пережил волнующие минуты. Могу вспомнить незабываемый день, когда я встретился с Раулем в Синко-Пальмас 18 декабря 1956 года и мы собрали семь единиц оружия, чтобы возобновить борьбу; когда 5 января 1957 года, уже с маленьким отрядом и 17 единицами оружия, я вступил на вершину холма и впервые увидел в нескольких километрах от нас высокую, неприступную, покрытую лесом гору – там начиналась центральная часть хребта Сьерра-Маэстра, который станет театром наших боевых действий, и я с полной уверенностью почувствовал, что победа будет за нами; когда ночью 17 января мы провели наш первый победный бой; когда небольшими, но закаленными в боях силами мы полностью разгромили наступление 10 тысяч солдат тирании, что завершилось 5 августа 1958 года после 70 дней непрерывных боев; когда в конце сентября я узнал, что Че и Камило достигли провинции Лас-Вильяс, пройдя более 350 километров по враждебной неприветливой равнине; когда Первого января 1959 года мы вступили в Сантьяго-де-Куба, где в казарме Монкада совершили нашу первую революционную вооруженную акцию; или когда мы прибыли на Плая-Хирон вечером 19 апреля 1961 года. Не стану упоминать многие другие незабываемые события, но ни разу в ходе упомянутых эпизодов нашей борьбы я не ощутил столь сильного волнения, как в тот момент, когда 28 июня в 7 часов 53 минуты вечера я увидел, как после стольких месяцев безостановочной борьбы открылась дверь небольшого самолета, прибывшего из Соединенных Штатов, и появились Хуан Мигель и Элиан. Маленький ребенок и скромный кубинский отец, которых мало кто знал всего несколько месяцев назад, возвращались, превратившись в гигантские моральные символы нашей родины.

В эту минуту я подумал: сколь велик наш народ, сколь непобедима справедливая идея, сколь важно верить в человека, сколь прекрасно бороться за великие идеалы, сколько света и счастья может излучать маленький невинный ребенок, озаряя ими народ, который был готов умереть за одного из своих самых малых детей!

Хуан Мигель, Родина благодарит тебя за твердость и отвагу, какими ты отстоял ее честь и плоды справедливой победы! Ты доказал, что в решающие моменты истории народа поведение одного

человека может компенсировать бесчестие, которым покрыли его все предатели вместе взятые, - такие, как те, кто хотел отнять у нас твоего сына.

Наш самый священный революционный долг – бороться за то, чтобы в будущем не случилось ничего подобного, и за другие права, которые мы поклялись защищать.

Мы продолжим борьбу и победим!

(Овация)

Versiones Taquigraficas del Consejo de Estado

URL de origen: <http://www.fidelcastro.cu/es/node/1086>

Enlaces

[1] <http://www.fidelcastro.cu/es/node/1086>